

Из воспоминаний Ильина Арлена Михайловича

Я снова пошёл в 43-ю школу¹, в четвёртый класс. Шла последняя четверть. Всё совсем по-другому, столица! Очень трудно, здешние очень быстро записывают, что именно задано на дом, есть расхождения в программах: в школе в Шумихе какой-то материал не проходили, да ещё был большой перерыв из-за сыпного тифа. В Шумихе была одна учительница по все предметам, а здесь для разных предметов разные учителя. Помню, я никак не мог понять, как решать систему двух линейных уравнений с двумя неизвестными. Объяснила это мне соседка Лидия Александровна, бывшая генеральша, бывшая хозяйка нашей квартиры². И я не сразу понял.

Это не единственный раз я попадал в такое положение. В Шумихе я был, конечно, первым учеником или, в крайнем случае, одним из самых первых. Так сказать, молодец среди овец. А приехав в Москву убедился, что я "для молодца и сам овца", один из самых отсталых и неуспевающих. То же самое было потом, когда в 8-м классе я перешёл из обычной заурядной школы в престижную 59-ю школу. Как ни странно, не совсем понятно, почему, но большие трудности были у меня и в МГУ на первом курсе, было трудно учиться. Не такое резкое, но похожее положение возникло и после окончания аспирантуры и после дальнейшего переезда на Урал. Я считался молодым, успешным, подающим надежды математиком, который вот-вот должен подать докторскую диссертацию (помню на конференции в Тбилиси мой тогдашний начальник Сергей Борисович Стечкин категорически приказал: подавайте диссертацию! "Какую ещё диссертацию, у меня ничего нет" говорю. "Неважно, я договорился"). В действительности с 1957-ого до 1974-ого у меня не было существенных достижений, только отдельные, не связанные между собой результаты. Об этом подробнее написано в файле **avtobiogr.tex**³. Реально я оказался значительно слабее многих своих ровесников. Наконец, последнее, четвёртое подобное положение возникло в 1994-2000 годах, когда я неожиданно оказался в составе Российской академии наук, не ударив для этого, как говорится, пальцем о палец. Перед этим, в 1974-1988 г.г., я всё-таки кое-что сделал, создал какую-то теорию, последним защитил докторскую диссертацию, стал более-менее известным профессором, каких целая уйма. А тут вдруг оказался среди академиков, огромное большинство которых, если не все, неизмеримо выше меня по всем показателям.

Период работы в МГУ

Было много работы. И с совместной статьёй в Успехи мат. наук, и с обычным преподаванием. Я начал вести специальные семинары по уравнениям с Володиёй Кондратьевым и по теории функций с Петром Лаврентьевичем Ульяновым. Был ещё совместный семинар для студентов с Олейником и Калашниковым. Начал я писать и совместные статьи с Рафой Хасьминским⁴ по вероятностным процессам. Эти большие и интересные статьи фактически были написаны им, но я там проводил разные оценки решений, которые научился к тому времени делать. Начал я и совместную работу с Володиёй Каменковичем⁵. Написали мы с ним заметку об отрыве течения Гольфстрим от Америки.

1 . До войны А. М. учился в 43-й школе г. Москвы. Во время войны, в эвакуации — в пос. Шумиха Челябинской области — Прим. ред.

2 . Семья А. М. вернулась из эвакуации в Москву в квартиру в пер. Островского, 12 — Прим. ред.

3 Файл можно посмотреть по адресу <http://> — Прим. ред.

4 Р. З. Хасьминский — одноклассник А. М. по 59-й школе, сокурсник по Мехмату МГУ, специалист по марковским процессам и асимптотической теории оценивания, ныне профессор университета Детройта (США) — Прим. ред.

5 В. М. Каменкович — сокурсник по Мехмату МГУ, специалист по физике океана, ныне профессор University of Southern Mississippi (США) — Прим. ред.

Интересна судьба этой работы. Мы написали эту небольшую заметку и решили рассказать её на семинаре у Гриши Баренблатта, в то время нашего хорошего знакомого. Доклад был в Институте механики МГУ. В перерыв Гриша просит показать статью, берёт её и уходит. После перерыва приходит и возвращает статью с резолюцией директора института, знаменитого академика Седова, напечатать в Докладах АН СССР. Тогда Баренблатт считался верным учеником Седова, позднее они переругались, да и у нас с Володей позднее по-разному сложились отношения с Баренблаттом. А тогда эта заметка получила большую популярность в кругах океанологов.

Мне с Володей прислали приглашение на престижную конференцию в Калифорнии. Шансов у Володи фактически не было. Выпускали за границу немногих, а он был холостой, беспартийный еврей. Не должны были дать разрешение, но почему-то дали, и он поехал. Мне не имело никакого смысла подавать документы. Никакая партийная инстанция меня не пропустила бы как морально разложившегося. Володя потом много раз ездил в командировки (повторно это было легче — проверено!). Потом остался совсем и много лет живёт в США. А началось с этой заметки!

Переезд в Свердловск

И тут я узнаю, что в Свердловске открылся филиал знаменитого математического института им. В. А. Стеклова (в просторечии Стекловки), куда меня когда-то приглашали в аспирантуру. Филиал назывался СОМИ АН (Свердловское отделение ...). Директором СОМИ был Стечкин, и он набирал сотрудников. Я его знал, а он меня не знал. После его доклада на математическом обществе я подошёл к нему и сказал, что хотел бы поехать к нему в его институт в Свердловске.

Стечкин сразу побежал к Олейник, чтобы спросить, кто я такой. Хотя я был уже секретарём Московского математического общества, но он этого не знал. Ольга Арсеньевна говорит, что Ильин ужасный человек, не надо его брать. Видимо, она не хотела, чтобы я уезжал, но Стечкин сразу понял, что к чему, и ответил мне, что сможет взять, когда появится такая возможность.

Институт и жильё в Свердловске ещё только строятся, и надо ждать. В июне Стечкин оформляет мне командировку в Свердловск, и я на пару дней туда улетаю. Перед отъездом со мной разговаривает Петровский. Он говорит, что необходимо общаться со студентами, не надо порывать с университетом. Оказывается, МГУ является шефом Уральского университета (УрГУ). Он считает, что мне надо временно, на пару лет, пожить в Свердловске, работая в Уральском университете, а потом кто знает, как всё сложится. Возможно, я вернусь в МГУ, а пока буду считаться здесь на полставки. Я, разумеется, соглашаюсь, и Петровский пишет письмо ректору УрГУ, где написано, что Ильин блестящий молодой математик, это большое приобретение для УрГУ и ещё много чего малоправдоподобного. Просит содействовать мне. Прилетаю я в Свердловск, первый раз его вижу, если не считать остановку проездом в войну в эвакуацию. Очень грязно и пасмурно. Я думал, что в Свердловске никогда не бывает солнца.

Останавливаюсь на квартире Стечкина (жена Екатерина Ивановна, сын Боря). Рассказываю Стечкину о письме Петровского и его просьбе. Сергей Борисович говорит: "Ладно, поезжайте, ничего там не получится." Добрался я до университета (это было в старом здании на ул. Куйбышева). Стою, смотрю объявления, ищу приёмную ректора. Объявления о приёмных экзаменах. Подходит парень, спрашивает: "Поступаешь?" "Нет" говорю. "Студент?" Говорю, что уже закончил. Парень смотрит с ужасом: "Аспирант!" и отходит.

Нашёл я приёмную ректора и без проблем зашёл. Подаю письмо. Ректор спрашивает, что мне надо. Я говорю, что мне хотя бы комнату в общежитии (конечно, тогда я и этому был бы рад). Ректор говорит, что у него никаких площадей нет. "Идите, говорит, к Стечкину, у него сейчас много квартир." Что делать, возвращаюсь к Стечкину. Он смеётся: "Ну, что я Вам говорил!" Ректором был Сергей Васильевич Карпачев, химик. Больше я его не видел. Говорили, что он хороший учёный и даже хороший человек, но не очень ему надо было заботиться об университете. Позднее его избрали в Академию наук.

Посмотрел я институт, здание было уже построено (как мне потом говорили, на средства так называемого Средмаша, куда входил и закрытый город Снежинск с его ядерным центром. Кажется, тогда он назывался Челябинск-70, наше СОМИ тесно потом сотрудничало с этим Снежинском. Здание прочное, хорошее, не то, что потом построили рядом в конце века). Внутри ещё кое-где шли ремонтные работы. Полетел я в Москву.

Пошёл к Петровскому рассказать о моей поездке и о разговоре с Карпачевым. Видимо, Иван Георгиевич очень рассердился на такое отношение к его письму. Не отпуская меня, он подошёл к телефону и попросил связать его с Прокофьевым Михаилом Александровичем (настоящую фамилию я мог и позабыть). Он работал, кажется, зам. министра образования (может быть, даже министром), а перед этим был секретарём парткома МГУ. Петровский говорит по телефону: "Михаил Александрович, появилось место ректора Уральского университета. Надо кого-нибудь рекомендовать." Не знаю, как потом было дело, но через полгода ректор сменился, им стал Б. С. Колесников.

За эти два-три года я написал относительно много. Кроме упомянутой большой статьи в Успехи мат. наук я написал четыре заметки в ДАН: о волноводах, о системах разностных уравнений и забавный пример того, что отсутствует фундаментальное решение у хорошего параболического уравнения, об ультрапараболических уравнениях. Позднее я решил две задачи, поставленные Стечкиным.

Одна задача о сдвигах множества по окружности из диссертации Бердышева, который получил достаточные условия, но не смог доказать их точность. Другая задача о кратчайшем пути получения натуральных чисел путём сложения и умножения, если начинать с единицы. Первая вошла в диссертацию Бердышева. Много позднее Ульянов говорил мне, что они на семинаре разбирали эту задачу и не понимали, почему я её отдельно не опубликовал.

А вторая задача была мной опубликована. И через много лет я узнал, что её ещё раньше решил Кнут. Однажды я слышал рассуждения Соболева о том, что математики делятся на две категории. Одни хорошо и плодотворно работают в спокойной обстановке, когда ничто им не мешает. Другие, наоборот, только тогда активно работают, когда в жизни у